

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

ВСЕ ПИШУТ по-своему, но читатель ловит то общее, что их соединяет. Я говорю о воспоминаниях Виктора Розова, об Анатолии Эфросе и о только что вышедшей книжке Александра Володина «Одноместный трамвай». Авторы не ровесники, но люди одного времени.

Как говорится в «Вишневом саде»: «Не хвалят сейчас это время, но все же, могу сказать...».

Про что рассказы, что анализируют в себе или в своих созданиях эти трое? Впрочем, слово «анализ» тут меньше всего к стати, да и плавный рассказ о прожитом — разве что у Розова. Но так или иначе сквозит душа художников высокой нервной чуткости, природно чуждых, однако, идеологическим страстям и заданиям. Как живет такой художник, которому при даре отзывчивости выпал мир, насквозь политизированный, идеологизирующий то кроваво, то для проформы?

«СТУЧИТЕ, ЕСЛИ ВАМ ОДИНОКО»

Мы вряд ли оценим сегодня спасительность той любви к искусству, которой в юности равно жили эти трое, пусть один любил «Три сестры» Немировича-Данченко, другой — Бабанову, третий — Качалова.

Качалова любил пятиклассник, который потом стал Володиным. Рассказ о том, как его выгнали из пионерлагеря после показательного суда — почему приколол над койкой фото артиста, а не Ворошилова, — в «Одноместном трамвае» рассказ смешной; в книжке вообще много смешного, серии своего рода словесных «показов», как оно было. Но начальник пионерлагеря, с его пламенным заявлением, что в девятнадцатом году он таких расстреливал, был прав по сути; во всяком случае более прав, чем те, для которых сегодня Качалов с Москвиным или Ворошилов — без разницы.

Искусство радовало не только само по себе, своей глубокой прелестью — радовало еще и как область жизни особенной и свободной (где мастер — хозяин самому себе), как достаточно многолюдная и волшебю нетесная земля «своих».

Поиск «своих», почти комическая готовность броситься им навстречу — один из мотивов «Одноместного трамвая». Но и у не в пример более замкнутого Анатолия Эфроса — тот же поиск, та же надежда. Эфрос пишет, откуда «эмоциональный магнетизм» в его «Ромео и Джульетте»: оттого, что встречаются двое, равно не принадлежащие «стае». Чужие остальным, они в чем-то тождественны. Вот эта догадка, что тождественны, и дает напряжение радости.

У Володина мотив смещается, поворачивается: «земля своих» подмыта, во встречах обозначаешься, узнавания обманны. Неложно, однако, сама по себе лирика поиска и лирика надежды.

Ищешь своих не оттого, что одинок: напротив, истерзан постоянным неоди-

ночеством, навязанным обществом чужих. Володин пишет о трех годах одиночества в казарме. Впрочем, в казарме-то как раз были «тогдашние солдатские, родные, единственные друзья. А вот после войны... Нет, друзья появлялись и тогда еще, вспыхивали вдруг ярко, восхищали, ошеломляли: казалось, вот этот — навсегда, такого еще и не было! Живите у меня! Зачем в гостинице! Приезжайте с женой! А я приеду к вам!.. Обманы, пустые надежды».

Книга пронизана чувством потерь и чувством вины. Вместо вопроса «кто виноват?» вопрос иной, тихо тоскующий: «Когда я начал становиться таким?». В сущности, правильнее спрашивать именно так. Правильнее хотя бы потому, что если человек и властен над чем-то, то ведь прежде всего над собой. Уверять ли, что мы таковы, какими нас делает время? — это верно в той лишь мере, что время определяет наше противодействие ему. Иными словами, личность создается по тем же законам, по каким создается произведение искусства, — не впечатывая в себя мир, но возражая ему в согласии со своей природой.

Претензии на то, чтобы выковырывать художника, ужасны. Удары молота по хрустало доказывают вовсе не непригодность хрупкого материала, но бессмыслицу молота.

Впрочем, самое чудесное в том, как художник, живое, тонкое стекло, уходит из-под ударов.

В тех троих, чьи имена названы в начале, объединяя их, всегда была неистребимая, пронизывающая нежность к материи жизни, хаотичной и тонкой, позволяющей ее смыслу мерцать, просвечивать, загадываться в ней. Так строились их пьесы, их спектакли. Такова, кажется, материя их собственной жизни художников.

Задержимся на минуту еще, прочитав переписанные в книжку «Одноместный трамвай» шуточные надписи с бамперов машин, которые Володин видел в Калифорнии. «Машину ведет молодая красивая женщина». Или: «Как много мужчин, как мало времени». На маленькой дешевой машине: «Когда вырасту, я буду Кадиллак». «Я люблю своего мужа». «Я люблю свою жену». «Я люблю свою собаку»...

На двери дома надпись: «Стучите, если вам одиноко».

На двери мастерской: «Открыто. Хотя с большим удовольствием мы покатались бы на лодке».

Пожалуй, даже наверное, жизнь в Штатах не так легкодешна, как эти надписи. Тем более стоит такие надписи придумывать. С ними легче.

Мы не обучены стараться, чтобы было легче. Прозрачные, полусказочные, улыбающиеся пьесы Володина написаны, чтобы было легче. Боже мой, как же они вызвали антипатию, как же их обижали! Как редко им говорили «спасибо».

Инна СОЛОВЬЕВА.

Р. С. Проклятая жизнь: боишься, что заголовок звучит двусмысленно. Вот уж о чем понятия не имел тот, кто написал у себя на дверях эти слова: «Стучите...».